

Л.А. Кудринская

ДОБРОВОЛЬЧЕСКИЙ ТРУД: МАСШТАБЫ, ПОТЕНЦИАЛ И ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ

Добровольческий труд (волонтерство) рассматривается в контексте социологии труда. Данный ракурс позволяет оценить масштабы, потенциал и факторы развития добровольческой деятельности в мире и в России. Использован подход, в котором рассматривается связь правительственного, коммерческого и добровольческого секторов современного общества. Приведены результаты российских и авторских социологических исследований по теме статьи.

Ключевые слова: добровольчество, волонтерство, труд, некоммерческий сектор, масштабы добровольческого труда, потенциал, факторы развития, социологические исследования.

Введение

Добровольчество (волонтерство) как социальный феномен изучается российской наукой сравнительно недавно — с 1990-х годов, тогда как на Западе этой теме посвящено довольно много работ. В последнее время и в России наблюдается всплеск научного интереса к данному феномену (Бусыгин, Попова 2014). Это связано с тем, что масштабы волонтерства с каждым годом становятся все заметнее. Наиболее ярким примером является многотысячное участие волонтеров в организации и проведении XXII Олимпийских игр в Сочи, которое вызвало со стороны россиян значительный интерес к волонтерской деятельности.

Масштабы волонтерства в мире

Межстрановые сравнительные исследования труда волонтеров с использованием экономических показателей начали проводиться с 90-х годов XX века. Наиболее известными в современной социологической и экономической науке являются исследования, проводимые американским институтом имени Дж. Хопкинса. Главная цель одного из проектов этого института под названием «Третий сектор в сравнительной перспективе» — отражение масштаба и источников дохода некоммерческого сектора в обследуемых 22 странах, а позднее в 36 странах (Монография института Дж. Хопкинса «Глобальное гражданское общество», 1999).

На Западе в исследованиях волонтерства используется трехсекторная модель общества: первый сектор — государственные, правительственные организации, второй сектор — коммерческие организации (сфера экономики) и третий сектор — некоммерческие неправительственные организации. По данным исследований института Дж. Хопкинса, общее число волонтеров в 36 странах мира в 1998 году равнялось 131,557 млн человек и масштабы добровольчества имели следующую структуру в разрезе 36 стран мира¹, которые отражены в таблице 1.

Таблица 1

Масштабы добровольческого труда по 36 странам мира

Страна	Объем работы волонтеров (млн долл. США)	Число волонтеров (тыс. чел.)	Процент взрослого населения
Аргентина	2693, 2	1913	8
Австралия	4484, 8	1832	13
Австрия	1380, 4	550	8
Бельгия	4197, 7	809	10
Бразилия	754, 1	6483	6
Колумбия	229,1	1149	5
Чешская Республика	196,4	381	5
Египет	22,1	233	1
Финляндия	2657,5	326	8
Франция	41 929,6	6536	14
Германия	48 433,0	7071	10
Венгрия	49,7	277	3
Индия	1355,9	16 490	4
Ирландия	715,6	293	11
Израиль	894,7	235	6
Италия	8290,7	2048	4
Япония	23 354,8	485	0,5
Кения	52,0	955	6
Мексика	219,6	30	0,1

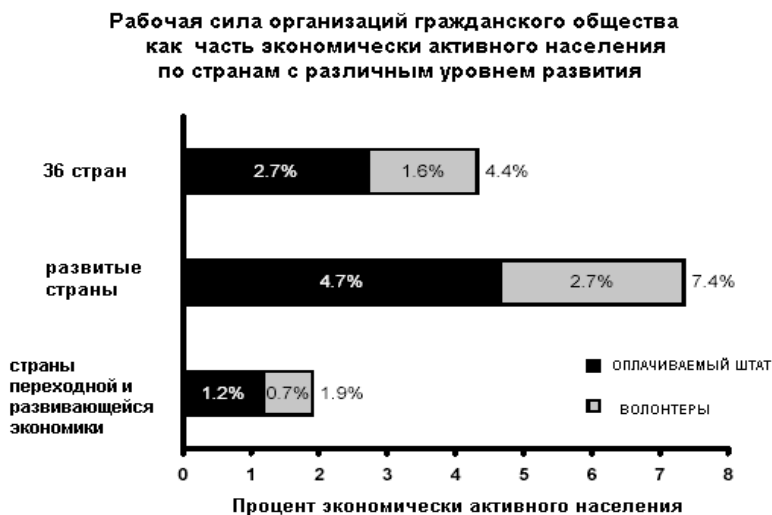
¹ www.jhu.edu/cnp/country

Марокко	98,4	699	4
Нидерланды	16 991,6	1962	16
Норвегия	4255,8	1847	52
Пакистан	68,1	133	0,2
Перу	38,2	729	5
Филиппины	775,9	2833	6
Польша	150,8	3614	12
Румыния	155,0	325	2
Словакия	7,3	149	4
Южная Африка	960,5	2659	9
Южная Корея	2433,2	1204	3
Испания	7055,1	1681	5
Швеция	10 206,1	2009	28
Танзания	289,5	2092	11
Уганда	30,5	2606	23
Великобритания	21 976,2	14 357	30
США	109 012,6	44 564	22
ИТОГО	316 415,6	131 557	

Как видно из таблицы 1, в странах с переходной экономикой уровень добровольчества на тот период был значительно ниже, чем в развитых странах. Следует отметить, что данные по России отсутствуют — таких исследований у нас не проводилось.

Кроме того, в тех же межстрановых исследованиях труда волонтеров были выделены четыре ключевые переменные: расходы, занятость, количество добровольцев и доходы. Добровольчество здесь рассматривается как неоплачиваемая занятость. Такой подход реализован в практике рынка труда развитых стран (особенно в периоды спада производства), где существуют бюро по найму добровольцев, с которыми оформляются контракты, а волонтерам оплачивают в 90% случаев проезд и в 50% — питание на рабочем месте (Великобритания). Работа волонтером по контракту в США засчитывается в трудовой стаж, причем в этом случае волонтеры должны быть не моложе 18 лет. Вследствие межгосударственных различий в ставках заработной платы и других затратах занятость оказалась лучшей основой для сравнения масштаба некоммерческого сектора по всем странам, чем расходы.

Число работников НКО (некоммерческих организаций) было переведено с помощью государственных стандартов в эквивалент полной занятости (ЭПЗ) работников, так как многие некоммерческие работники заняты на неполную ставку. Также был использован эквивалент полной занятости добровольцев. Были собраны данные относительно количества добровольцев, работающих в некоммерческих организациях разных стран, посредством опроса населения. Этот подход позволил рассчитать стоимость труда добровольцев для использования главным образом в оценках дохода (через умножение числа ЭПЗ работников на среднюю заработную плату в отдельной отрасли). С использованием эквивалента полной занятости распределение рабочей силы организаций третьего сектора с выделением штатных сотрудников и волонтеров в разрезе развитых стран и стран с переходной и развивающейся экономикой выглядит следующим образом (см. рис. 1)².

SOURCE: Johns Hopkins Comparative Nonprofit Sector Project

Рис. 1. Структура работников организаций гражданского общества

²www.jhu.edu/cnp/country

Существуют и другие данные о масштабах добровольческой деятельности, их достаточно много. Многие из источников были проанализированы нами еще в 2006 году (Кудринская 2006: 9–28).

Важные показатели деятельности третьего сектора в США представлены в статье А.А. Шлихтера «Некоммерческие организации и добровольческий труд в США» (Шлихтер 2000: 39–54). По этим данным, в деятельность неприбыльных организаций в той или иной степени вовлечено свыше 100 млн американцев, относящихся к различным социально-профессиональным и половозрастным категориям, в том числе свыше 8 млн оплачиваемых работников. Число некоммерческих организаций всех типов в США возросло с 309 тыс. в 1967 году до 1,1 млн в 1977 году и до более 1,5 млн в 1998 году (из них около 22 тыс. — общенациональные). В указанный сектор входят 70% больниц общего профиля, более 40% учреждений детского дошкольного воспитания, 50% колледжей и университетов, 60% агентств социального обслуживания, тысячи гражданских ассоциаций на федеральном и местном уровнях, 65% музеев, 95% библиотек и информационных центров. В данном секторе осуществляется 67% фундаментальных научных исследований. К нему также относятся тысячи крохотных столовых для бездомных, религиозные общины, да и просто добровольцы, оказывающие бесплатно или по низким расценкам юридические, воспитательные, консультативные, социальные и иные услуги; потребительские организации, миллионы активистов — защитников окружающей среды. Этот сектор развивается даже более активно, чем коммерческий сектор США. В 1996 году текущие расходы на услуги приблизительно 750 тыс. гражданских организаций США, которые обслуживают нуждающиеся категории граждан, составили около 433 млрд долл., что превосходит ВВП Австралии, Индии, Мексики, Нидерландов и всех других стран за пределами первой десятки крупнейших стран. С учетом труда работающих в этих организациях добровольцев совокупный объем названных расходов возрастет еще на 80–100 млрд долл.

Динамика безвозмездного добровольческого труда показывает его подверженность подъемам и спадам, хотя общая тенденция направлена вверх как с точки зрения совокупной стоимости труда добровольцев, выраженной показателем стоимости затраченного времени, так и с точки зрения доли вовлеченных в него людей. Например, стоимость их трудозатрат с 1987 по 1998 год выросла со 149 млрд долл. до 225 млрд долл. Наименьший за этот период процент вовлеченного в добровольческий труд взрослого населения пришелся

на 1987 год (45%); в 1991 году наметился подъем (51,5%), а затем, в 1995 году, снижение до 49%. Однако в 1998 году доля вовлеченных в добровольческий труд граждан достигла небывалого уровня в 56%.

Американский ежегодник «Statistical Abstract of US» за 1998 год, на который ссылается И. Городецкая, приводит данные об участии в добровольчестве в зависимости от нескольких демографических и социальных характеристик. Они получены в ходе опроса 1996 года и относятся к 1995 году. Основной вывод И. Городецкой: «Волонтерство — устоявшаяся, общепринятая норма, тем более обязательная, чем более образован, обеспечен и интегрирован в общество американец» (Городецкая 2001: 78–86).

Волкова С.И. пишет, что «согласно данным канцелярии премьер-министра Японии на 1993 год, чуть более 30% населения страны занималось волонтерской деятельностью, а около 60% хотели бы ею заняться, если бы представилась возможность. В том же году отдел молодежной политики Агентства управления и координации приводил следующие данные: 30% молодых людей Японии в возрасте от 13 до 25 лет имели опыт волонтерской деятельности, а подавляющее большинство (более 70%) считали, что такая деятельность обретет более весомое значение в будущем. Для удобства и повышения эффективности волонтерской деятельности в стране создана система центров волонтеров, в которую входят общенациональные, префектуральные и муниципальные центры. Они являются своего рода посредническими организациями, которые связывают людей друг с другом и предоставляют им возможность заняться волонтерской деятельностью. В 1995 году уже 18 министерствам было вменено в обязанность заниматься активизацией волонтерской деятельности. По данным японского Национального центра распространения добровольческой деятельности, более 10 миллионов японцев в той или иной форме приобщены к движению добровольчества» (Волкова). Данные по Японии разноречивы (особенно если сравнить с показателями табл. 1), тем не менее и в Японии волонтерство — тоже привычное для граждан дело.

Российские ученые А. Аузан, В. Тамбовцев (Аузан, Тамбовцев 2005: 28–49) указывают, ссылаясь на зарубежные источники, что, например, в США в 1992 году масштабы добровольческого сектора оценивались в 508,5 млрд долл., не включая стоимости труда волонтеров. С добавлением труда волонтеров этот сектор оценивался в 6,5% национального дохода США и охватывал около 10,6% всех занятых. В Великобритании объемы добровольческой деятельности выросли

с 7,9 млрд ф. ст. в 1980 году до 12,6 млрд ф. ст. в 1986 году. При этом авторы применяют термин «добровольческий сектор» как синоним третьего сектора, указывая тем самым на специфику этого сектора.

Однако данные института Дж. Хопкинса представляются наиболее полными, поскольку являются межстрановыми и используют одни и те же количественные индикаторы для измерения волонтерского труда. Поэтому для написания данной статьи нами был проведен поиск самых свежих результатов исследований института Дж. Хопкинса. Оказалось, что в 2012 году вышла новая монография «Состояние глобального гражданского общества и волонтерство (по данным справочника ООН по некоммерческим организациям)». Авторами выступили: Лестер М. Саламон, С. Войчич Соколовски, Меган А. Хеддок, Хелен С. Тайс (Саламон, Войчич-Соколовски, Хеддок, Тайс 2012: 1–40).

Приведем данные по 13 странам, в которых были проведены исследования. Как видим, данных по России здесь также нет (табл. 2).

Таблица 2

Рабочая сила организаций гражданского общества как часть экономически активного населения по странам с различным уровнем развития

Страна	Процент волонтеров от количества всех занятых в некоммерческом секторе	Процент работающих за вознаграждение, занятых в некоммерческом секторе
Израиль	1,6	11,2
Австралия	3,0	8,5
Бельгия	—	11,5
Новая Зеландия	6,2	4,4
США	2,5	7,7
Япония	3,2	6,8
Франция	3,2	5,8
Норвегия	4,8	3,5
Португалия	—	4,4
Бразилия	0,7	3,0
Киргизстан	0,2	2,7
Чешская Республика	0,5	1,9
Таиланд	—	0,9
Все страны (в среднем)	5,2	2,2

По данным таблицы 2 можно сделать вывод, что в развитых странах наблюдается большой масштаб волонтерской деятельности, чем

в странах с переходной экономикой. Кроме того, заметен общий рост доли рабочей силы в организациях гражданского сектора (сравнение данных рис. 1 и табл. 2): в 1998 году — 4,4%, в 2012 году — 7,4%. Конечно, следует принимать во внимание, что в 2012 году есть данные только по 13 странам, однако тенденция к росту масштабов как самого гражданского общества, так и волонтерства, на наш взгляд, проявляется вполне отчетливо.

Вместе с тем нужно помнить, что сугубо экономический подход к оценке добровольческого труда некорректен. Лестер М. Саламон замечает, что у приверженцев третьего сектора возникает сильное искушение представить в качестве панацеи всех социальных болезней «некоммерческий сектор» и возлагать все надежды только на него. Все же не следует ожидать от него больше, чем он может дать, хотя он и имеет большой потенциал.

Масштабы волонтерства в России

Особое место в ряду исследования добровольческой деятельности занимает социология, предлагающая широкий полипарадигмальный спектр подходов: социетальный, культурологический, социально-исторический, социально-экономический, социально-правовой, социально-управленческий, с позиций социальной работы, социально-психологический и т.д. Например, для экономической социологии характерно рассмотрение вопросов добровольчества и благотворительности, меценатства, социального предпринимательства. Для нашего подхода — социологии труда — характерно рассмотрение его организации, трудозатрат, мотивов добровольческого труда и т.п.

Общероссийские добровольческие действия нового несоветского формата массово проявляются в России с начала 1990-х гг. Они представляют ежегодные общественные и образовательные кампании и акции, являющиеся частью международной стратегии продвижения добровольчества в обществе и позитивного развития молодежи. Один из главных организаторов этого движения в тот период — Добровольческий центр «Созидание», возглавляемый Г. Бодренковой. Общероссийские добровольческие действия проводятся с целью содействия повышению гражданского созидательного потенциала и воплощению на практике механизмов эффективного партнерства между органами государственной власти, институтами гражданского общества и бизнес-организациями в совместном решении социальных проблем общества.

Результаты общероссийского опроса, проведенного Фондом «Общественное мнение» в июне 2001 года, показывают, что о существовании в России общественных организаций знают или что-то слышали 65% опрошенных. Членами общественных организаций себя считают только 5% россиян: из них 3% состоят в профессиональных союзах, 1% — в организациях, поддерживающих пенсионеров, инвалидов и ветеранов, и 1% — в других общественных организациях. На вопрос «Хотели бы Вы участвовать в работе какой-либо общественной организации?» большинство опрошенных россиян (73%) ответили отрицательно, 15% выразили такое желание и 11% затруднились с ответом³.

По данным неправительственных источников⁴, в России в добровольческой деятельности участвуют около 1,5–2% трудоспособного населения (для сравнения: в экономически развитых странах — в среднем около 15%). В то же время опросы ВЦИОМ (1999, 2003) выявляли, что более 40% российских граждан желали бы участвовать в общественно полезной деятельности на добровольных началах. Расчеты показывают, что создание условий, позволяющих вовлечь 10% российского населения в добровольческую деятельность, позволило бы ежегодно инвестировать в социальную сферу ресурсы, эквивалентные сумме до 3 млрд долларов США.

Отметим, что 1,5–2% трудоспособного населения в РФ на 1 января 2004 года составляло около 1,348–1,797 млн человек (по данным Росстата, трудоспособное население в РФ на 1 января 2004 года составило 89,896 млн человек).

Обращаем внимание, что разные авторы приводят различные и, очевидно, весьма приблизительные, ориентировочные цифры. По данным 2011 года И.В. Мерсияновой, добровольной деятельностью когда-либо занимались 33% россиян. В эту группу входят как волонтеры, которые сотрудничали с общественными организациями (НКО, НПО), так и те, кто занимался добровольчеством самостоятельно или в неформальной группе (Мерсиянова 2011).

Данные по количеству волонтеров, действующих в рамках зарегистрированных НКО, можно приблизительно рассчитать. Мы провели свои расчеты, выделяя при этом светское (нерелигиозное) и религиозное волонтерство. Известно, что во многих странах мира именно

³ Общественные организации в России // Поле мнений. Доминанты. 2001. 28 июня. (<http://www.fom.ru/survey/dominant/224/566/1880.html>)

⁴ www.worldvolunteerweb.org; www.Takingitglobal.ru; www.sozidanie.ru

религиозные организации заложили ценности соучастия и деятельные практики помощи ближним в трудных жизненных ситуациях. До сих пор они зачастую выполняют самые трудные виды помощи людям (хосписы, больницы, работа с наркоманами, воспитание сирот и т.д.). Светские НКО появились в XIX веке, а их расцвет начался в XX веке. По официальным данным Росстата, на 1 января 2013 года зарегистрировано 104 949 общественных объединений и 25 541 религиозных организаций⁵. Если предположить, что в среднем каждое общественное объединение привлекло от 10 до 20 добровольцев в год на различные общественные акции и проекты, то мы получим следующие цифры:

светское добровольчество:

$(10-20) \times 104\,949 = 1\,049\,490-2\,098\,980$ чел., т.е. от 1,05 млн до 2,1 млн чел.

религиозное добровольчество:

$(10-20) \times 25\,541 = 255\,410-510\,820$ чел., т.е. от 0,26 млн до 0,51 млн чел.

Общая цифра светского и религиозного добровольчества в РФ на 1 января 2013 года составит: от 1,31 млн до 2,52 млн человек. С учетом того, что на 1 января 2013 года экономически активное население в РФ составило 75,75 млн человек, мы получаем следующий масштаб добровольческой деятельности — от 1,7 до 3,3% экономически активного населения.

Применяя такой инструмент, как социологические опросы населения, можно получить данные о неформальном волонтерстве как в незарегистрированных социальных группах, движениях, так и в рамках НКО.

В этом контексте интересные данные были получены в еженедельном опросе «ФОМнибус» 18–19 мая 2013 года в 43 субъектах РФ (100 населенных пунктов, 1500 респондентов). Опрошенным был задан вопрос: «Среди Ваших знакомых есть люди, которые занимаются добровольчеством (волонтерством), или таких людей нет?» и были получены ответы:

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Среди Ваших знакомых есть люди, которые занимаются добровольчеством (волонтерством), или таких людей нет?», %

Есть	17
Нет	75
Затрудняюсь ответить	7

⁵ http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/state

Был задан также другой вопрос: «А Вам лично в последнее время приходилось или не приходилось работать в качестве волонтера (по собственному желанию и без вознаграждения) в составе какой-либо группы или организации? Если приходилось, то в каких направлениях добровольчества Вы участвовали?» (Карточка, любое число ответов)

Таблица 4

Распределение ответов, %

Не приходилось	89
Социально-бытовое (помощь на дому, по хозяйству, ремонт и т.п.)	4
Экологическое (уборка территорий, посадка деревьев и т.п.)	3
Педагогическое (вожатые, организация досуговой деятельности и т.п.)	2
Медицинское (службы милосердия, помощь больным, донорство, популяризация здорового образа жизни и т.п.)	2
Экстренные ситуации (пожаротушение, поисково-спасательные операции, ликвидация последствий терактов и катастроф)	1
Интеллектуальное (экскурсионная деятельность, оказание профессиональных услуг юриста, дизайнера, психолога, руководство некоммерческой организацией и т.п.)	1
Правовое (защита прав и интересов граждан, работа в общественных советах, участие в самоуправлении, в разработке и планировании политики в разных сферах)	0
Историко-археологическое (раскопки, реставрация памятников архитектуры, уход за воинскими захоронениями и т.п.)	0
Поддержание общественного порядка (народные дружины и т.п.)	0
Религиозное	0
Другое	1
Затрудняюсь ответить	2

Таким образом, по данным опроса, масштабы волонтерства (формального и неформального) составили от 11 до 17% от числа опрошенных. Следовательно, неформальное волонтерство значительно превосходит добровольную безвозмездную работу в зарегистрированных НКО.

Подводя итоги рассмотрения масштабов добровольчества в России и в мире, следует отметить, что перед учеными стоит актуальная задача разработки методик измерения различных аспектов этого явления. Есть положительные примеры в этой области. Статистический аспект явления может быть рассмотрен с позиций занятости. Напри-

мер, такой подход вслед за западными авторами развивает А.В. Трохина. Она отмечает, что регулярные обследования волонтерства проводят только статистические службы Австралии, Германии, Канады, Нидерландов, Норвегии, США и Швейцарии. В целом же экспертные обследования по волонтерству проводятся в мире нерегулярно и охватывают незначительную долю населения, в то время как есть реальная потребность в регулярной и надежной информации по данному типу занятости, что позволило бы проводить сравнения данных по странам и годам. В связи с этим в международном научном сообществе проходит обсуждение вопроса, в какие существующие обследования населения наиболее целесообразно включить блок, посвященный добровольчеству. А.В. Трохиной была предложена методология обследования данного явления в России, которая была апробирована в ходе проекта Федеральной службы государственной статистики «Развитие системы государственной статистики — 2» по проведению «пилотно-го» обследования волонтеров России (Трохина 2014).

Волонтерство: проблема информированности и самоидентификации

Рост масштабов такого явления, как волонтерство/добровольчество, указывает на наличие важных закономерностей развития общества, которые вызывают исследовательский интерес ученых. Одним из фокусов исследования добровольчества является информированность населения о самом феномене. В рамках того же социологического опроса «ФОМнибус» 18–19 мая 2013 года респондентам был задан вопрос: *«Людей, которые по собственному желанию и без вознаграждения в свободное от работы (учебы) время делают общественно-полезные дела либо помогают нуждающимся, мы будем называть добровольцами или волонтерами. Вы знаете, что-то слышали или ничего не знаете о деятельности добровольцев (волонтеров) в вашем городе (селе, поселке)?»* и получены ответы:

Таблица 5

Распределение ответов, %

Знаю	18
Что-то слышал(а)	29
Ничего не знаю	49
Затрудняюсь ответить	3

Как мы видим, только 18% респондентов достоверно знают, а более половины ничего не знают об этом явлении или затруднились с ответом, треть — что-то слышали.

По данным нашего исследования, которое было проведено в 2011 году в форме анкетного опроса (N=970) среди студентов ОмГТУ бакалавриата и специалитета технической направленности, получены следующие ответы на вопрос «Знаете ли Вы что такое волонтерство, добровольчество?»

Таблица 6

Распределение ответов, %

Не знаю	13,8
Слышал (а), но не участвовал	77,4
Да, сам(а) участвую в этом	7,8
Затрудняюсь ответить	1,0

Эти результаты мы объясняем тем, что студенты вузов более всего задействованы в волонтерской деятельности, и это очень оптимистично, поскольку в наших университетах учатся те, кто в будущем станет элитой общества, в том числе технической.

Другой фокус исследований касается самоидентификации участников волонтерского движения. По данным исследования И. Ивановой, Р. Илюмжановой, Е. Петренко (Иванова, Илюмжанова, Петренко 2013: 98), участники добровольческой деятельности несколько чаще предпочитают себя именовать «активистами». Такое самоназвание выбрали без малого треть (31%) респондентов. Для сравнения, за «добровольца» высказались 25%, за «волонтера» — 23%, за «общественника» — 16%. По мнению авторов соцопроса, такое распределение ответов свидетельствует, пожалуй, о том, что на массовом уровне социальные статусы и роли активистов пока еще не четко проявлены, размыты. Дискурс добровольчества, как и сам феномен, сейчас переживает стадию активного развития.

Потенциал волонтерского труда в России

Россия сегодня ориентируется на новые экономические и социальные стандарты жизни общества, что требует привлечения огромных ресурсов и трудовых усилий. Как верно отмечает Г.П. Бодренкова, су-

шествующая в России государственная социальная политика не учитывает, что потребность граждан — это не только получать услуги и помощь от государства, но и отдавать свое время, силы, талант и энергию на общественное благо. Старые подходы не позволяют задействовать огромный человеческий и социальный потенциал российского общества, его внутренние ресурсы. Необходимы нестандартные решения и новые подходы. Государственная поддержка развития добровольчества, добровольных гражданских инициатив в значительной степени является ответом на запросы времени, поэтому необходимо рассмотреть вопрос о создании условий для развития этих инициатив (Бодренкова).

В сборнике «Личность, экономика, гражданское общество» А. Н. Аринин пишет: «Международный опыт и история самой России неоспоримо свидетельствуют о том, что социально-экономическое и политическое развитие любого общества и государства не столько зависит от природных условий и других внешних условий, сколько от силы человеческого фактора, способности людей к самоорганизации и свободному производительному творчеству». В нынешних условиях кризиса цивилизации и перехода от эпохи индустриализма к эпохе информационного общества роль человеческого фактора возрастает. «Пора бы перейти... к привлечению самого гражданского общества к заботе об устойчивом развитии безопасности, к освобождению еще во многом потенциальной социальной энергии и превращению ее в энергию кинетическую», — резюмирует автор (Аринин 2000: 101–102).

Важной задачей в этом контексте является выявление того, что определяет потенциал российского добровольчества. Несомненно, потенциал добровольчества относится как к человеческому, так и к социальному потенциалу.

Человеческий потенциал связан с характеристиками человека. Потенциал человеческого развития — социальная категория и концепция, выражающая (в качественных и количественных показателях) состояние здоровья и уровень жизни, степень образованности и культуры населения той или иной страны или социальной группы, то есть совокупность социально значимых качеств, способностей, знаний, умений и навыков, сформированных на основе природных задатков людей и в результате социальных взаимодействий (Социологический словарь Андреев 2008: 351–352). В настоящее время существует специальный показатель ИРЧП — индекс развития человеческого потенциала, который используется для ежегодного межстранового сравнения.

Индекс развития человеческого потенциала — интегральный показатель уровня и качества экономического, социального, экологического развития страны, который содержит четыре парадигмы и измеряется тремя показателями.

К парадигмам развития человеческого потенциала относятся:

- 1) продуктивность как результат эффективной деятельности, направленной на повышение дохода и экономического роста;
- 2) равенство, понимаемое как равенство возможностей в реализации способностей и пользовании благами;
- 3) устойчивость, позволяющая обеспечить доступ к возможностям цивилизации не только нынешним, но и будущим поколениям;
- 4) расширение возможностей, предполагающее, что развитие осуществляется не только в интересах людей, но и их усилиями.

Индекс развития человеческого потенциала колеблется в пределах от нуля до единицы и рассчитывается по методике, предложенной экспертами ООН. В числе ведущих показателей, определяющих рассматриваемый индекс, выделяются три:

- 1) индекс ожидаемой продолжительности жизни — означает продолжительность предстоящей жизни при рождении и устанавливается в минимальном и максимальном значениях в интервале от 25 до 85 лет;
- 2) индекс уровня образования — на две трети производно от грамотности среди взрослого населения (от 0 до 100%) и на одну треть от совокупной доли учащихся среди молодежи в возрасте до 24 лет (тоже от 0 до 100%);
- 3) индекс уровня жизни — зависит от реального душевого ВВП (валового внутреннего продукта) и колеблется в пределах от 100 до 40 000 долл.

Взятые вместе, они отражают три главных качества: здоровую жизнь, знания, достойные человека условия жизнедеятельности. Конечно, методики расчетов индекса и его ценностные основания могут быть подвергнуты критике. В индексе развития человеческого потенциала, например, акцент сделан на возможностях, а не на целях развития человека. В нем не акцентированы субъективные составляющие человеческой жизни. Но отметим главное: индекс ИРЧП учитывает объективные условия развития и самореализации человека, следовательно, и его ограничения, доступные средства, ресурсы, возможные перспективы.

Человеческий потенциал и социальный потенциал тесно связаны и взаимно влияют друг на друга. Развивая один, мы увеличиваем другой.

Социальный потенциал — интегральное понятие, характеризующее возможности различных социальных субъектов (общество в целом, государство, отрасли хозяйства, регионы, коммерческие и некоммерческие организации, общности группы, личности) в решении перспективных задач социального развития. Потенциал формируется в ходе развития общества и включает в себя используемые и неиспользуемые источники, средства, силы, резервы, существующие в настоящий момент, и их предпосылки, которые могут появиться в будущем при создании определенных условий, достижении более высокого уровня и качества жизни, обеспечения социального благополучия населения (Осадчая 2003: 236).

Гражданский, или активистский, потенциал может быть выявлен социологическими методами. Ранее мы отмечали, что опросы ВЦИОМ (1999, 2003) выявляли, что более 40% российских граждан желали бы участвовать в общественно полезной деятельности на добровольных началах.

По результатам нашего исследования в ОмГТУ в 2011 году (N=970) были получены следующие ответы на вопрос *«Представьте, что в ОмГТУ организуется акция, в результате которой выиграют все, а ОмГТУ станет более чистым, красивым, удобным. Примите ли Вы участие в этой акции при условии, что будете трудиться добровольно и безвозмездно?»*

Таблица 7

Распределение ответов, %

Не пойду, пусть этим занимаются вузовские власти	21,8
Если мои друзья, знакомые пойдут, то и я пойду	24,8
Пойду, если идея акции мне понравится, даже если мои друзья не захотят	48,1
Пойду при условии (впишите)	3,4
Затрудняюсь ответить	1,8

По нашим данным, 72,9% опрошенных студентов типичного российского технического вуза будут участвовать в акции. Вновь играет роль уровень образования респондента как характеристика человеческого капитала.

В рамках того же социологического опроса «ФОМнибус» 18–19 мая 2013 года респондентам был задан вопрос: *«Скажите, пожалуйста, Вы допускаете или исключаете для себя возможность в будущем заниматься добровольной общественно-полезной деятельностью? Если*

допускаете, то Вы скорее хотели бы действовать в одиночку или в составе какой-либо группы, организации?» Получены следующие ответы:

Таблица 9

Распределение ответов, %

Допускаю, скорее в одиночку	13
Допускаю, скорее в составе группы, организации	26
Исключаю	41
Затрудняюсь ответить	19

Около 40% опрошенных допускают для себя занятие добровольчеством, и большая часть из них скорее готовы работать в рамках группы или организации.

Мы получили очень важные результаты, которые показывают, что у добровольчества очень высокий незадействованный пока потенциал. Отметим два важных момента. Во-первых, развитие человеческого потенциала у студенчества выше, чем у других групп (уровень образования и здоровья), и это повлияло на результат опроса. Во-вторых, как любой труд, добровольчество должно быть организовано, это показывает наш опыт изучения этого явления. Следовательно, нам нужно учиться организации активистских инициатив, волонтерских акций. Нужен поиск и обучение (самообучение) субъектов активизма, которые становятся лидерами этого движения и притягивают к этому других.

Думается, что сегодня все мы заинтересованы в создании крепкого активного гражданского общества в России на основе развития потенциала добровольческого труда. Поэтому перед российским обществом стоит задача по осознанному созданию правовых, организационных, информационных, экономических, культурных условий для развития этой деятельности. Каковы же возможности в реализации этой задачи?

Современные российские факторы развития трудового потенциала добровольчества

Каковы же плюс-факторы, способствующие развитию третьего добровольческого сектора?

Самыми актуальными, востребованными, наболевшими, на наш взгляд, являются такие факторы:

- 1) развитие законодательной базы для деятельности третьего сектора;
- 2) доступ организаций третьего сектора к СМИ;
- 3) создание механизмов ресурсной поддержки этих организаций;
- 4) развитие государственной системы образования, способной осуществлять гражданскую социализацию новых поколений россиян;
- 5) формирование сообщества ученых и педагогов, лучших представителей элит первого, второго и третьего секторов, разделяющих единые ценности социального партнерства, нравственных ценностей, социальной ответственности.

Самым проблемным фактором развития добровольческого движения является современная российская законодательная база. Отсутствие соответствующих нормативных актов и, как следствие, невозможность стимулирования труда волонтеров препятствует во всех отношениях прогрессу этой деятельности в нашем обществе.

Перечислим основные законодательные положения, регулирующие некоммерческий сектор. В статье 30 действующей Конституции РФ (1993) записано, что каждый гражданин «имеет право на объединение», причем «свобода деятельности общественных объединений гарантируется». В 1994 году конституционные положения получили дальнейшее развитие в Гражданском кодексе. Кроме этого, до 1995 года на территории России действовал Закон СССР «Об общественных объединениях» (принятый в октябре 1990 г.), который впервые заменил разрешительный порядок возникновения общественных организаций в нашей стране на регистрационный и положил начало правовому регулированию некоммерческого сектора. В дальнейшем на его основе был разработан одноименный Закон РФ, который вступил в действие в мае 1995 года. Следует заметить, что Закон содержит ряд противоречивых положений, которые существенно затрудняют функционирование НКО без образования юридического лица и тем самым противоречат Конституции РФ.

Определенные противоречия существуют также между различными законами, регулирующими некоммерческий сектор. В настоящее время количество законов и подзаконных актов, содержащих нормы, регулирующие деятельность НКО, исчисляется уже сотнями, а сами нормы относятся к различным отраслям права. Они присутствуют в международных договорах и иных международных документах, имеющих силу на территории России. Основы деятельности некоммерческого сектора на территории России заложил Федеральный закон РФ «О некоммерческих организациях», вступивший в силу 12 января 1996 года.

Правовое регулирование благотворительной деятельности началось в 1995 году с принятия Федерального закона «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях», который закрепил особенности создания и деятельности благотворительных организаций, цели благотворительной деятельности и возможные формы ее поддержки органами государственной власти и органами местного самоуправления. Для благотворительных организаций установлен более строгий, чем для других НКО, режим контроля над расходованием денежных средств и имущества. К сожалению, данный закон до сих пор по существу не работает, поскольку он слабо подкреплён другими законодательными актами.

Тем не менее, какая бы ни раздавалась критика в адрес действующего Федерального закона «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях», именно он установил основы правового регулирования благотворительной деятельности, заложил первые стандарты современной российской благотворительности. В соответствии с этим законом разработаны и приняты соответствующие законы на региональном уровне. Таким образом, Федеральный закон «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» стал базовым для юридических и физических лиц, занимающихся благотворительной деятельностью. В совокупности с другими законодательными актами он сыграл важную роль для развития российской благотворительности на начальном этапе ее становления.

Кроме перечисленных документов, отдельные виды некоммерческой деятельности регулируются Законами РФ «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 года, «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» от 12 января 1996 года, «О поддержке молодежных и детских общественных объединений» от 28 июня 1995 года. Законодательством достаточно подробно определена деятельность некоммерческих организаций в сфере образования, науки и культуры.

Несмотря на обилие нормативных документов, затрагивающих вопросы функционирования некоммерческого сектора, правового определения требует еще множество существенных моментов. Одним из них, бесспорно, является вынужденная коммерческая деятельность НКО.

С целью урегулирования этого и ряда смежных вопросов в начале 2000 года на рассмотрение в Государственную Думу был внесен проект Федерального закона «О порядке введения основной и предпринимательской деятельности неправительственными некоммерческими

организациями», который пока не принят. Нигде также не определен статус добровольцев, работающих в НКО, поэтому им нельзя на законном основании оплатить командировочные расходы, их подпись неправомочна, они являются причиной множества конфликтов с внебюджетными фондами. В настоящее время законопроект еще дорабатывается, но уже сейчас не вызывает сомнения, что его принятие будет способствовать дальнейшему развитию правовой базы некоммерческого сектора.

В отличие от американского законодательства, закрепляющего предоставление добровольцам разнообразных скидок на продукцию организации, получение бесплатных образовательных и культурных услуг, российское законодательство этого не допускает (согласно статье 5 Закона «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» труд добровольца безвозмезден). В результате многие российские организации для привлечения волонтеров вынуждены отходить на практике от действующего законодательства, предоставляя им привилегии. Кроме того, на развитие отечественного волонтерства отрицательно влияет то, что эта деятельность не засчитывается в трудовой стаж. Благополучатель-организация не имеет права заключать трудовой договор с добровольцем, делать записи в трудовую книжку. Одним из выходов является заключение гражданско-правового договора между добровольцем и НКО, а именно «Договора о добровольческой деятельности».

Улучшить ситуацию могло бы внесение дополнений в Закон «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях», прежде всего касающихся изменения формулировки о «безвозмездности труда волонтера», исключающей любое материальное и нематериальное поощрение, а также определения механизмов стимулирования добровольного труда и его контроля.

Итак, можно резюмировать, что действующая законодательная база российского добровольческого сектора требует существенного уточнения. Она значительно отстает от темпов развития самого сектора и в ряде случаев становится препятствием его дальнейшего становления. С одной стороны, это вполне объяснимо, так как первый на территории бывшего СССР закон, регулирующий деятельность общественных объединений, появился в 1990 году, то есть законодательное оформление некоммерческого сектора охватывается уже более чем двадцатилетним периодом. В последние годы законотворческая работа в этом направлении активизировалась.

Мы можем наблюдать это на примере обсуждения проекта Федерального закона «О добровольчестве (волонтерстве)»⁶. Разработчиками закона выступили эксперты Общественного совета Центрального федерального округа, Росвоенцентра и Российского государственного социального университета. Необходимость и своевременность закона «О добровольчестве» авторы объяснили недостаточным нормативно-правовым регулированием деятельности и назревшей необходимостью развести понятия «благотворитель» и «доброволец».

На наш взгляд, во многих формулировках закона достаточно явно прослеживается такая особенность понимания феномена добровольчества со стороны разработчиков как государственно-центричное мышление. Это проявляется в их желании стимулировать и урегулировать деятельность волонтеров. Так, например, один из авторов законопроекта, член комитета Совета Федерации по социальной политике Александр Борисов, в попытке убедить оппонентов сказал: «Я вижу волонтерство как отдельный вид деятельности и надеюсь, что виды волонтерской деятельности будут расширяться. Задача уполномоченного органа — иметь представление, как идут дела. Когда обсуждали проект, в голове мы держали название “Закон о стимулировании волонтерской деятельности”. Предполагалось, что волонтерством можно заниматься не только от организации, но и в порядке индивидуальной деятельности, и за это в будущем предусматриваются какие-то бонусы и прочее» (информация приведена по статье «Добро в законе»)⁷.

Такой государственно-центричный подход был сразу замечен добровольческим сообществом и воспринят как фактор риска для будущего развития волонтерства в России. В той же статье «Добро в законе» высказано в целом негативное отношение к проекту закона. Волонтеры заявляют: «Нам закон не нужен». Сенаторы, которые разрабатывали документ, возражают: «Так ведь для вас стараемся». Однако в той редакции, которая представлена общественности, проект выглядит как стремление усилить контроль за добровольцами и ограничить их возможности.

По задумке авторов, должен быть определен уполномоченный орган, «который будет разрабатывать государственную политику в области поддержки и стимулирования добровольческой (волонтерской)

⁶ Источник: <http://pda.pravmhir.ru/proekt-federalnogo-zakona-o-dobrovolchestve-11-01-2013/>

⁷ Статья в «Московских новостях» «Добро в законе»: <http://wciom.ru/index.php?id=269&uid=113579>

деятельности». Пока речь не идет об отдельной структуре, полномочиями планируется наделить один из действующих исполнительных органов власти. Его и обяжут «оказывать содействие в реализации государственных добровольческих (волонтерских) программ и стимулировать на территории РФ добровольческую (волонтерскую) деятельность». Он же будет заниматься регистрацией добровольцев, выпуском личных книжек и ведением общероссийского реестра. Выглядит как учет, контроль и централизованное управление.

Закон определил, что «добровольцы — граждане, осуществляющие благотворительную деятельность в форме безвозмездного труда в интересах благополучателя, в том числе в интересах благотворительной организации». К сожалению, законодатель привязал добровольцев к благотворительности и благотворительным организациям. Но на практике формы добровольческой активности, круг работ и организаций, привлекающих добровольцев, намного шире.

Представители волонтерского движения, напротив, уверены, что существующей правовой базы достаточно для развития инициатив. В том или ином виде добровольческая деятельность описана в Гражданском и Налоговом кодексах, законах о некоммерческих организациях, общественных объединениях, благотворительности, добровольной пожарной охране и ряде других. Помимо этого, действует концепция содействия развитию благотворительной деятельности и добровольчества в России и концепция социально-экономического развития страны до 2020 года, где обозначено развитие институтов гражданского общества, включая поддержку благотворительности и волонтерства. По мнению противников нового закона, достаточно внести ряд изменений в существующие законы, а не создавать новый, по крайней мере в такой редакции (см. статью «Добро в законе»).

Мне бы хотелось привести еще несколько аргументов в сторону необходимости доработки проекта закона после ознакомления с его текстом. При этом следует отметить, что есть и положительные стороны в законопроекте. В целом там правильно сформулированы принципы волонтерства, прослеживается направленность к расширению волонтерства через его стимулирование. Однако явно виден и государственно-центричный подход с усилением роли государства в этой сфере.

В статье 3 «Основные принципы добровольческой (волонтерской) деятельности» (Глава 1 «Общие положения») сказано, что «Добровольческая (волонтерская) деятельность не подменяет деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления

по осуществлению их полномочий»⁸. Казалось бы правильный посыл, но на практике будет ли это означать невозможность вмешательства добровольцев в решение проблем, которые относятся к профессиональной сфере деятельности госструктур (если те не справляются)? Ведь мы наблюдаем зачастую иные жизненные реалии.

В статье 5 законопроекта «Основные формы и виды добровольческой (волонтерской) деятельности» (Глава 1 «Общие положения») сказано, что добровольческая (волонтерская) деятельность может осуществляться в форме:

- 1) индивидуальной добровольческой (волонтерской) деятельности;
- 2) добровольческой (волонтерской) деятельности в составе незарегистрированного объединения или группы;
- 3) добровольческой (волонтерской) деятельности через добровольческую (волонтерскую) организацию.

Однако нет определения, что понимается под добровольческой организацией, как она соотносится с теми общественными объединениями, которые уже прописаны в законодательстве России. Или это будут уже государственные организации? Как будет выглядеть индивидуальное волонтерство, возможно ли оно в принципе?

В главе 2 «Организация добровольческой (волонтерской) деятельности» вводится понятие уполномоченного органа (федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий поддержку и стимулирование добровольческой (волонтерской) деятельности в Российской Федерации), который наделяется самыми широкими полномочиями. К таким полномочиям в законе отнесли в том числе: регистрацию добровольцев (волонтеров), выпуск личных книжек добровольцев (волонтеров) и ведение общероссийского реестра добровольцев (волонтеров); организацию электронной упрощенной регистрации добровольцев (волонтеров); ведение реестра добровольческих (волонтерских) вакансий; организацию информационной сети добровольчества (волонтерства).

Действительно, такие полномочия уполномоченного органа направлены на контроль и регистрацию волонтеров, что усложнит, формализует их деятельность. Неизвестно, что это будет за орган, как он будет строить работу с волонтерским сообществом, но, зная ментальность и исторические особенности становления нашей государственности, можно ожидать усложнения реализации самой добровольче-

⁸ <http://pda.pravmir.ru/proekt-federalnogo-zakona-o-dobrovolchestve-11-01-2013>

ской деятельности. Главное, чтобы это в России не обернулось уходом волонтерства в тень, как это происходит с бизнесом. Желание посчитать число добровольцев не должно привести к тому, чтобы у потенциальных добровольцев отпало желание ими стать.

Стоит отметить еще один момент. Во время обсуждения проекта между волонтерской общественностью и разработчиками не произошло конструктивного взаимопонимания и взаимодействия, диалог складывается плохо (о чем говорит, например, обсуждение этого проекта в телеэфире на канале «Ц» в 2013 году). На наш взгляд, этот диалог в эфире — микромодель будущего взаимодействия госслужащих и добровольцев. Без предварительного, до принятия закона снятия всех непониманий, удаления точек напряжения судьба его может быть печальной для судеб волонтерства в России. Однако диалог нужно продолжать, поскольку в нем проявляются многие важные, нерешенные пока стороны взаимодействия власти и общества. Нужно искать взаимоприемлемые пути их решения.

Для эффективной благотворительной деятельности в форме добровольческого труда необходимо взаимодействие волонтера или посредника-организатора с благополучателями, что невозможно без средств массовой информации. Поэтому особое значение для развития третьего сектора, межсекторного партнерства между всеми тремя секторами имеет инфраструктура *средств информации как основа этого взаимодействия*. На практике это выглядит как информирование сообщества со стороны НКО о своей деятельности и доступ к такой информации будущих благополучателей и партнеров. Без деятельности переговорной площадки или публичной сферы гражданское общество сегодня просто невозможно. С учетом того, что гражданское общество в России пока не так развито, как хотелось бы россиянам, эта проблема выхода на широкие слои общественности для структур гражданского общества является одной из самых актуальных. Лишь через создание информационного поля субъекты гражданского общества могут начать самоорганизовываться, вырабатывать и реализовывать совместные действия, находить друг друга для совместного труда, транслировать культурные ценности, нормы и т.д.

Достаточно долго добровольческий сектор действовал в ситуации информационного вакуума. В период с 1990-х по 2000-е годы явно проявлялось отсутствие реального интереса большинства российских СМИ (и прежде всего наиболее массового и влиятельного из них — телевидения) к конкретной практике гражданского общества. Это было

связано с общим вектором эволюции средств массовой информации — их растущей коммерциализацией и ориентацией на развлечение и сенсационность в ущерб осмыслению происходящего, в том числе событий общественной жизни. Особенно это было характерно для телевидения.

В современный период мы наблюдаем улучшение ситуации благодаря сети Интернет, в результате чего благодарители и благополучатели стали достаточно быстро находить друг друга, сформировались и формируются новые общества взаимопомощи. По Интернету теперь можно на сайтах различных формальных организаций или неформальных социальных групп записаться в качестве добровольца на конкретную акцию. Кроме того, в 2013 году, во многом благодаря активности гражданского общества и политике государства, в России появилось наконец «Общественное телевидение», что, несомненно, является положительным фактором развития гражданской активности россиян.

К положительным моментам можно отнести деятельность сформированной с участием Президента Общественной палаты РФ, которая имеет большие возможности выхода на массовую аудиторию, чем рядовые НКО. Однако реальная практика выхода в социальное пространство для многих рядовых НКО, инициативных групп все же затруднена. Возможности использования глобальной информационной сети ограничены низким уровнем жизни большинства россиян, которым недоступен Интернет. Пока положение отчасти сглаживают ресурсные центры третьего сектора, существующие часто за счет небольших грантов. Однако в наиболее влиятельных российских СМИ тематика гражданского общества крайне узка и касается зачастую сбора средств для различных благотворительных фондов, прежде всего для больных детей.

В то же время мы должны отметить улучшение ситуации в области информационного фактора развития третьего сектора, но возможности его только начинают раскрываться перед гражданскими активистами.

Недостаточная активность российского добровольческого сектора в России непосредственно связана с его *скудным финансированием*. Основная причина отказа россиян от участия в общественной жизни в качестве «активистов» — это зачастую низкий финансовый потенциал. Людям бедным, что нередко связано с проблемами здоровья, низким уровнем образования, особенностями местного рынка труда, безработицей и пр., очень трудно проявлять социальную активность, даже если эта активность будет направлена на защиту их собственных

интересов. Число бедных в нашей стране снижается, однако составляет еще значительную долю населения — в 2012 году эта цифра была равна 11% (в 2009 году — 13%).

Достаточно известным фактом является следующий: в развитых странах средства на деятельность НКО в форме благотворительных взносов отчисляются, прежде всего, представители среднего класса (представители среднего и мелкого бизнеса, мелкие и средние служащие, государственные чиновники и т.п.). Крупный бизнес реже осуществляет такие отчисления. В России средний класс значительно меньше по масштабам, он еще формируется, поэтому и средняя величина взноса в благотворительность меньше, чем в экономически развитых странах. Основными благотворителями у нас в основной массе являются обычные граждане, имеющие стабильный заработок. Главная особенность наших доноров в наличии положительных социальных и эмоциональных характеристик — равнодушие к чужой беде, активная доброта, эмпатия и др.

После финансового кризиса 2008 года этот источник благотворительных поступлений от населения несколько обмелел. Однако в последние годы государство стало менять направленность своей политики в отношении НКО. Стало выделяться значительно больше государственных и муниципальных средств на развитие гражданских инициатив. Например, в Омском регионе на поддержку НКО в 2013 году было выделено 12 млн рублей, а в 2014 году — 25 млн рублей. Деньги выделяются на конкурсной основе в форме грантов на социально значимые проекты.

Следует отметить важный ресурс развития финансового благополучия третьего сектора — *налоговый режим* в современной России, который тормозит его развитие. Поскольку вся коммерческая деятельность некоммерческих организаций облагается налогами на прибыль, эквивалентным налогам с коммерческих организаций, основной проблемой действующей системы налогообложения НКО является сегодня отсутствие четкого разграничения между целевой некоммерческой деятельностью и предпринимательской деятельностью НКО. Это приводит как к опасности обложения «предпринимательскими» налогами некоммерческой деятельности и целевых поступлений, так и к вынужденному отказу НКО от выполнения любых договорных работ. Последнее служит одним из основных источников дохода НКО во многих экономически развитых странах и обеспечивает их финансовую стабильность, увеличивая потенциал НКО в решении социальных задач.

В России существующая налоговая система вынуждает многие честные организации балансировать на грани закона и в то же время не ставит барьеры на пути злоупотреблений со стороны нечистоплотных дельцов, так как отсутствует необходимая степень прозрачности финансовой отчетности НКО и адекватные возможности для государственного и общественного контроля.

В отличие от России, в большинстве развитых европейских стран государство предоставляет некоммерческим организациям благоприятный налоговый режим. При налогообложении там действует особый механизм, учитывающий их неприбыльный характер и социальную значимость. Виды налогов и их ставки определяются исходя из статуса НКО (благотворительные они или неблаготворительные), который определяется на основании уставных целей и характера основной деятельности. Нынешнее российское налоговое законодательство подобного системного подхода к налогообложению НКО не предусматривает, тормозя дальнейшее развитие сектора, сокращая возможные объемы денежных поступлений в социальную сферу и парализуя отечественную филантропию (О состоянии некоммерческого сектора в России... 1999: 5–47).

Исключения составляют лишь некоторые категории НКО (организации инвалидов, религиозные организации), деятельность которых освобождается от уплаты таких, например, налогов, как налог на прибыль. Именно этим фактом обусловлена организация движения 647 организаций — участников Общероссийской коалиции некоммерческих организаций «За справедливое налогообложение НКО».

Нужен, кроме сказанного, закон о льготах в отношении предприятий, фирм и физических лиц, которые оказывают спонсорскую помощь НКО. Во всем мире такая практика открывает огромные возможности как для активизации гражданского общества, так и для развития самого бизнеса. Особенно интересен опыт США, Франции, Японии, где благоприятный налоговый климат позволяет благотворительным фондам получить значительные средства для решения проблем охраны окружающей среды, здравоохранения и социального обслуживания.

Рассмотрим еще одну составляющую стимулирования волонтерской деятельности — *фандрейзинг*. Фандрейзингом обычно называются способы (приемы, инструменты) привлечения средств для некоммерческой деятельности. Таким образом, при успешном фандрейзинге могут быть решены финансовые вопросы НКО. Но фандрейзинг — это не только комплекс различных инструментов и процедур добывания

средств для некоммерческой организации. Это, прежде всего, наука об успешном убеждении других в том, что деятельность вашей организации заслуживает внимания (и поддержки). Для успешной деятельности по привлечению средств в независимый добровольческий сектор необходимы как обучение сотрудников НКО, так и привлечение к этой работе СМИ, а также оптимальное налоговое законодательство. Если учесть, что сегодня у российских НКО отсутствует постоянная финансовая поддержка (от гранта к гранту), в отличие от зарубежных организаций, бюджет которых пополняет также и национальное правительство, то ясно, что деятельность третьего сектора сегодня крайне нестабильна при ее высокой востребованности у граждан.

Роль образования, влияющего на гражданскую социализацию россиян, в росте потенциала добровольчества

Подготовка, формирование человека, готового полноценно трудиться и творить в современном российском обществе, выстраиваемом на принципах правового государства, рыночной экономики и гражданского общества, должна проходить на основе соответствующих стратегических принципов. Их осознание и реализация современной российской системой образования позволит создать такое общество с наименьшими потерями и избежать многих личностных трагедий из-за ощущения несоответствия, отчуждения личности от общества.

Рассмотрим социализацию индивида в контексте трехсекторной модели. Индивид выступает одновременно в трех ипостасях: 1) как член конкретного государства с определенными правами и обязанностями, то есть определенным статусом в государстве; 2) как субъект экономической жизни, частнопредпринимательского сектора (место в системе профессионально-должностных статусов); 3) как член гражданского общества (место в системе гражданских статусов, где критерием выступает социальная активность личности, гражданская позиция). Отсюда три типа социализации: государственная, экономическая, гражданская. Для каждого типа характерны свои специфические ценности, знания, умения, навыки, опыт. Экономическая социализация изучена достаточно глубоко — это профессионализация в процессе образования, экономическая адаптация и т.д. Государственная социализация представляет процесс приобретения индивидом необходимых качеств для выполнения конституционно-правовых ролей в конкретном государстве (примат государства над личностью).

Она включает политическую и в основном правовую социализацию. Гражданская же социализация представляет усвоение роли члена гражданского общества, независимо от государства реализующего собственную сущность, защищающего свои интересы (примат личности над государством).

Мы вслед за рядом российских ученых рассматриваем образование как труд (Табакаев 1996). Этот образовательный труд формирует индивида, создает его как личность во всех ипостасях. В труде же в дальнейшем раскрывается все богатство физического, интеллектуального и духовного потенциала индивида. По мнению Ю.В. Табакаева, в педагогическом процессе труд выступает как субъектно-субъектное взаимодействие: учащийся рассматривается как творящий себя субъект и выступает одним из субъектов процесса социализации, координатором труда обучаемых при этом является педагог.

Социализация в рамках института образования осуществляется, прежде всего, через труд самого индивида и связанные с ним процессы мышления, чувствования, действия. Роль социальных агентов социализации заключается в организации такого труда и привитии навыков самоорганизации. Обратим внимание на связь гражданской социализации и свободы человека. По мнению Э. Гидденса, «социализация не только когда нас вгоняют в шаблоны, приготовленные заранее обществом». Она также «источник той самой индивидуальности и свободы. В ходе социализации каждый обретает способность к самоотжествлению, к самостоятельному мышлению и свободе» (Гидденс 1999: 92).

В сходном ключе Э. Берджесс определяет: «Социализация индивида означает, что он сознательно приводит свои цели и устремления в гармонию с увеличением координированного благосостояния всех членов общества. Индивид будет признан активным агентом социальной реконструкции. Личность — центр инициативы и изобретения». Социализация, по Э. Берджессу, — центральный процесс в социальной эволюции. Фактор социализации, по его мнению, сегодня существенно подорвал значимость факторов географической среды и врожденных умственных способностей для социального прогресса и для развития личности (Берджесс 2003: 153–160).

С позиций системной парадигмы речь идет о процессе эволюционного формирования нового качественного элементного состава современного российского общества. Эти новые элементы социума формируются в процессе социализации, в том числе гражданской.

В этом контексте возрастает роль системы государственного образования, в том числе общего и высшего для формирования граждан новой формации, развития у них чувства гражданственности и социальной ответственности, гуманизма и альтруизма, без которых невозможно успешное и устойчивое развитие гражданского общества. Однако отвечающая вызовам времени эта роль образования в нашем обществе в полной мере не осознана. В статье И.А. Бутенко «Способствуют ли программы высшего образования становлению гражданского общества?» (Бутенко 2001: 108–119) рассмотрена обозначенная проблема и дан отрицательный ответ на поставленный автором вопрос.

И.А. Бутенко анализирует эволюцию советской системы образования в отношении к общественно-политическим ассоциациям, организациям гражданского общества и фактически ставит важную проблему переосмысления нашей истории, преодоления старых стереотипов, связанных с псевдодемократией той эпохи и навязыванием «добровольного» труда. Участие в жестко централизованных общественных организациях (профсоюз, природоохранные, спортивные объединения) предполагало обязательное, принудительное членство, которым неоднократно были охвачены все работающие и учащиеся в СССР. Регулярной была помощь студентов колхозам при уборке урожая, обязательным было участие в политинформациях, субботниках, митингах мира, первомайских демонстрациях. «Очевидно, — пишет автор, — что все эти формы социальной активности в силу принудительного характера оказывались фактически ее имитацией».

На рубеже 1980–1990-х годов ситуация стала меняться. С 1991 по 1996 год численность добровольных объединений снизилась. С отменой былой принудительности явным стало нежелание большинства студентов участвовать в какой-либо общественной работе вообще. Среди молодежи стала массовой социальной апатия. Многочисленные молодежные объединения, образовавшиеся во время общего подъема социальной активности на рубеже десятилетий, вскоре, как и другие НКО, трансформировались в коммерческие структуры либо распались. Автор констатирует, что самоорганизации в студенческой среде не происходит, любая социальная активность студентов организуется «сверху» администрацией вузов, факультетов, социальная активность студентов за последние 20 лет изменила свое содержание, из принудительной превратилась в добровольную, из всеобщей — в деятельность единиц.

Бутенко называет неудачной попытку поддержать становление и развитие гражданского общества «сверху» посредством навязывания

единого общеобразовательного стандарта: 1) стандарт ориентирует студентов на изучение истории, то есть ретроспективный анализ, а не знание российской и мировой современности; 2) его содержание мало связано с собственно развитием гражданского сознания, поскольку сугубо академично и никак не учитывает рост прагматизма студентов, все более жаждущих получить знания, готовые к применению «здесь и сейчас»; 3) научными знаниями об обществе студенты не обогащаются, этот пробел они восполняют за счет мистики и вульгарного социологизма.

Далее И.А. Бутенко делает вывод о том, что содержание учебных программ высшей школы РФ не только не стимулирует, но и препятствует возникновению у студентов желания изучать современность и не дает представления о возможности сознательного, осмысленного участия в деятельности институтов гражданского общества.

Мы солидарны с И.А. Бутенко. Действительно, образовательная стратегия развития истинной свободной гражданственности у нас пока не является государственной стратегией образования. Российская школа, в том числе высшая, отстает от процессов становления гражданского общества.

Задача по выработке гражданских стратегий образования сегодня очень актуальна, и решать ее необходимо совместными усилиями общества гуманитариев, педагогов, руководству и специалистов Министерства образования и науки РФ, членов Общественной палаты всех уровней. Для чего советский опыт организации процессов социализации молодежи в советской России через добровольный труд сегодня как никогда востребован для переосмысления, естественно на других теоретических и практических основаниях. В этом контексте стоит отметить положительный факт введения самоуправления студенчества на уровне вузов, развитие студенческих волонтерских отрядов, проведения общероссийских молодежных форумов и школ.

В итоге все же мы закончим на положительной ноте, поскольку, несомненно, за последний период мы наблюдаем положительные сдвиги в ряде направлений гражданской активности в форме добровольческой деятельности. Выросли масштабы волонтерства, появилось больше социологических исследований этого явления, потенциал добровольчества растет вместе с ростом благосостояния населения, научно-педагогические коллективы вузов ставят новые важные проблемы развития гражданского самосознания студенчества и предлагают их интересные решения.

Источники

- Андреев Э. М.* Социологический словарь / отв. ред. Г. В. Осипов. М.: Норма, 2008. С. 351–352.
- Аузан А., Тамбовцев В.* Экономическое значение гражданского общества // Вопросы экономики. 2005. № 5. С. 28–49.
- Берджесс Э.* Функция социализации в социальной эволюции // Социальные и гуманитарные науки. 2003. № 3. С. 153–160.
- Бодренкова Г. П.* Добровольчество в России: состояние, проблемы, перспективы // URL: www.sbornet.ru
- Бутенко И. А.* Способствуют ли программы высшего образования становлению гражданского общества? // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2001. № 4. С. 109–118.
- Бусыгин В. П., Попова Е. В.* Некоммерческие организации и волонтерство // Финансы и бизнес. 2014. № 2. С. 14–27.
- Волкова С. И.* Концепция и практика волонтерской деятельности в Японии // URL: www.ivr.org.uk
- Гидденс Э.* Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 92.
- Городецкая И.* Добровольческое движение в США // МЭиМО. 2001. № 1. С. 78–86.
- Иванова И. И., Илюмжанова Р. В., Петренко Е. С.* Гражданский климат и гражданское поведение — социокультурный контекст добровольческого движения в России // Социс. 2013. № 11. С. 98.
- Личность, экономика, гражданское общество. Серия научных трудов. Кн. II. М., 2000. С. 101–102.
- Мерсиянова И. В.* Проблемы эмпирических исследований добровольчества: материал доклада. 2011. URL: http://grans.hse.ru/sem_26_05_2011
- Кудринская Л. А.* Добровольческий труд: опыт теоретической реконструкции. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2006. 203 с.
- Осадчая Г. И.* Социологическая энциклопедия. В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 2003. С. 236.
- О состоянии некоммерческого сектора в России и его вкладе в социально-экономическое развитие страны / под ред. А. П. Севортьяна; Центр развития демократии и прав человека. М., 1999.
- Общественные организации в России // Поле мнений. Доминанты. 2001. 28 июня. URL: <http://www.fom.ru/survey/dominant/224/566/1880.html>
- Трохина А. В.* Оценка трудового потенциала и экономических эффектов волонтерства dom-hors@mail.ru
- Шлихтер А. А.* Некоммерческие организации и добровольческий труд в США // Труд за рубежом. 2000. № 4. С. 57–69.
- Табакеев Ю. В.* Образование как труд. М.: Прометей, 1996.

Якимов В. Создание работающих механизмов социального взаимодействия — шанс для возрождения России // Профессионалы за сотрудничество. М., 2000. Вып. 4. С. 105–113.

www.worldvolunteerweb.org

www.Takingitglobal.ru

www.sozidanie.ru

http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/state

Добро в законе. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=269&uid=113579>

<http://pda.pravmir.ru/proekt-federalnogo-zakona-o-dobrovolchestve-11-01-2013>

Global Civil Society. Dimensions of the Nonprofit Sector. The Hopkins Center for Civil Society Studies. Baltimore, MD. 1999.

Lester M. Salamon, Sokolowski S. Wojciech, Haddock Megan A. and Tice Helen S.

The State of Global Civil Society and Volunteering: Latest findings from the implementation of the UN Nonprofit Handbook. Baltimore: Johns Hopkins Center for Civil Society Studies, 2012.

www.jhu.edu/cnp/country